

Анатолий Фёдорович Старцев¹

starcev.42@mail.ru

МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ОХОТНИЧЬЕГО ПРОМЫСЛА СРЕДИ АБОРИГЕНОВ ПРИАМУРЬЯ И ПРИМОРЬЯ

Аборигенное население Приамурья и Приморья создало особую культуру, ориентированную на комплексное использование водных и таёжных биологических ресурсов. Трудовая и общественная деятельность охотопромыслового населения региона опиралась на этнические традиции, обусловленные нормами обычного права, которые регулировали отношения между людьми и оказывали влияние на ход и развитие традиционного хозяйства. С утверждением советской власти на Дальнем Востоке и появлением промыслово-кооперативного союза охотников жизнь и деятельность аборигенов края резко изменились: началась реконструкция охотничьего хозяйства. Этот процесс шёл по пути превращения индивидуального промысла в самостоятельную коллективную отрасль со своими органами управления и регулирования. Первоначально организацией охотничьего промысла занимались потребительские кооперативы Далькрайсоюза, при котором была создана специальная секция, непосредственно руководившая работой туземных кооперативов. Система Далькрайсоюза занималась организацией заготовок и реализацией добытого, снабжала охотников боеприпасами и другими товарами, помогала охотничьим хозяйствам наладить рациональную эксплуатацию фауны. Потребительская кооперация и промыслово-кооперативный союз охотников играли большую роль в охотопромысловой деятельности аборигенов Дальнего Востока, хотя внедрение такой формы организации работы проходило у них с большим трудом. В 1927 г. потребительская кооперация и другие кооперативные системы среди коренных жителей края были заменены на кооперацию смешанного (интегрального) типа. Так называемые интегралсоюзы были организованы во всех районах края. В каждом селении аборигенов имелись отделения кооператива, которые должны были заниматься организацией, укреплением и развитием охотничьего, рыболовного и других промыслов, заготовкой дикоросов, снабжением членов кооперативов предметами быта, орудиями производства и промыслов. Во второй половине 1930-х гг. интегральная кооперация, выполнив функции по объединению аборигенов Приамурья и Приморья в коллективные хозяйства, прекратила своё существование.

Ключевые слова: Дальневосточный регион, аборигены, традиция, охота, советская власть, кооперативы, Далькрайсоюз, интегральная кооперация, колхозы.

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Anatoliy F. Startsev²

starcev.42@mail.ru

EVENTS OF THE SOVIET GOVERNMENT ON THE ORGANIZATION OF HUNTING AMONG THE NATIVES OF THE PRIAMURYE AND PRIMORYE

The indigenous population of the Priamurye and Primorye has created a special culture focused on the integrated use of water and taiga biological resources. The labor and social activities of the hunting population of the region relied on ethnic traditions conditioned by customary laws that governed relations between people and influenced the course and development of the traditional economy. With the establishment of Soviet power in the Far East and the emergence of a trade and cooperative union of hunters, the life and activities of the natives of the region changed dramatically: the reconstruction of the hunting economy began. This process went along the path of turning individual fishing into an independent collective industry with its own governing and regulatory bodies. Initially, hunting cooperatives of the Dalkraysoyuz were engaged in the organization of hunting, in which a special section was created that directly supervised the work of native cooperatives. The Dalkraysoyuz system was engaged in organizing the procurement and sale of the extracted, supplied hunters with ammunition and other goods, and helped the hunting farms to establish a rational exploitation of the fauna. Consumer cooperatives and the hunters' fishing and cooperative union played a large role in the hunting activities of the natives of the Far East, although it was very difficult for them to introduce this form of work organization. In 1927, consumer cooperation and other cooperative systems among the indigenous inhabitants of the region were replaced by mixed (integral) type cooperation. The so-called integrated unions were organized in all areas of the region. In each village of the natives there were branches of the cooperative, which were supposed to organize, strengthen and develop hunting, fishing and other industries, harvest wild plants, supply the members of cooperatives with household items, implements of production and crafts. In the second half of the 1930s. Integral cooperation, having fulfilled the functions of uniting the natives of the Amur Region and Primorye into collective farms, ceased to exist.

Key words: Far East region, natives, tradition, hunting, Soviet power, cooperatives, Dalkraysoyuz, integrated cooperation, collective farms.

Впервые годы советской власти охотничий промысел на Дальнем Востоке со стороны государства почти не регулировался. Это привело к тому, что на огромной территории Приамурья и Приморья охотничье хозяйство оказалось основательно подорванным: значительно сократилось поголовье изюбров, лосей, кабанов и других копытных, почти полностью был выбит соболь. В наибольшей мере пострадали из-за хищнической добычи территории, заселённые аборигенами Нижнего Амура

² Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

и Приморья. Широкое применение русскими охотниками так называемых минусинских (металлических) капканов в районах Сихотэ-Алинского хребта привело к печальным последствиям. По существу этот капкан и решил судьбу соболя в бассейнах Арму, Верхней Кемы, Таёжной, Максимовки, Серебрянки, Имана и других рек побережья Японского моря и центральных районов Приморья [ГАХК. Ф. 1658. Оп. 3. Д. 6. Л. 4].

Несколько иная картина наблюдалась в районах Нижнего Амура, верховьях Анюя, Хунгари и Хора — на р. Сукпай, Кафэн, Катэн, Чукен, Тагему и др., где охотились только удэгейцы традиционным способом: гон зверя по следу, добыча соболя с помощью сеток-рукавчиков и самострелов. Здесь поголовье оставалось высоким, что создавало перспективы для его воспроизводства.

После Гражданской войны на Дальнем Востоке у аборигенов прервались товарообменные связи с русскими торговцами, износилось и пришло в негодность оружие, а боеприпасы стали страшным дефицитом. В этих условиях усилилась эксплуатация населения маньчжуро-китайскими торговцами — цайдунами. Пользуясь безвластием, они беззастенчиво спаивали и обирали аборигенов. Потеряли неприкосновенность традиционные охотничьи угодья орочей, нанайцев, негидальцев, удэгейцев, ульчей и других коренных жителей Приамурья и Приморья. Лучшие промысловые участки захватывались русскими охотниками. Это явление было настолько массовым, что обсуждалось даже на Первом туземном съезде Дальневосточного края, на котором предлагалось «запретить русскому населению вытеснять туземцев с мест охоты на соболя, как это имело место на реке Бичи» [3, с. 21].

Развалу традиционного охотничьего хозяйства аборигенов в немалой степени способствовали и первые декреты советской власти, посвящённые охоте [1, с. 256; 2, с. 297]. Направленные на регулирование этого вида деятельности и на сохранение охотничьей фауны, они не учитывали особенностей хозяйства аборигенов и ставили их в трудное положение. Например, запрещалось добывать зверя в неурочное время, не все трудоспособные аборигены могли иметь огнестрельное оружие. Обязательным стал охотничий билет, за регистрацию оружия взимали налог. Охота без билета наказывалась конфискацией оружия, добытой пушнины и штрафом. «Положение об охоте», утверждённое СНК РСФСР в 1923 г. [4, с. 216], отменило эти ограничения для народов Севера, однако на Дальнем Востоке оно не действовало до середины 1920-х годов.

В 1925 г. участники Первого туземного съезда поставили вопрос о пересмотре некоторых правил охоты. Далькрайисполкому предлагалось освободить аборигенное население от выборки охотничьих билетов, платы за регистрацию оружия, провести разграничение участков охоты. Местные органы власти учли эти предложения. В силе оставался лишь запрет на охоту в неурочное время [РГИА ДВ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 40. Л. 19 об.].

В середине 1920-х гг. среди аборигенов-охотников наблюдалась острая нехватка боеприпасов и огнестрельного оружия. Они вновь стали использовать самоловы: силки, пасти и др. По этим причинам выход продукции охотничьего промысла снизился до уровня начала 1920-х гг., т.е. почти на 50% [РГИА ДВ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 37. Л. 3]. Занятие охотой, которое прежде давало основные средства существования негидальцам, орочам и особенно удэгейцам, перестало быть источником стабильного дохода. Случались годы, когда не удавалось добыть ни одного «хвоста». Подсобные традиционные промыслы — рыболовство и собирательство — также не обеспечивали прожиточного уровня, поэтому многие стали заниматься лесозаготовками, огородничеством, начали разводить рабочий скот.

Со второй половины 1920-х гг. внимание центральных и местных органов власти к охотничьему хозяйству заметно возросло. Пушнина была для государства важным источником валютных поступлений. Начался период реконструкции охотничьего хозяйства. Она шла по пути превращения индивидуального промысла в самостоятельную отрасль со своими органами управления и регулирования. Первоначально организацией охотничьего промысла занимались потребительские кооперативы Далькрайсоюза, при котором имелась специальная секция, осуществлявшая непосредственное руководство работой туземных кооперативов [ЦГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Оп. 365. Л. 92].

Потребительская кооперация и промыслово-кооперативный союз охотников играли большую роль в охотопромысловой деятельности аборигенов Дальнего Востока, хотя внедрение кооперации среди них проходило с большим трудом. Так, например, у орочей, где работал Тумнинский охотопромысловый кооператив, в 1926 г. в его систему входило только 14 хозяйств. Один из сотрудников Комитета Севера этот факт объяснял слабой заселённостью и оторванностью мест проживания аборигенов от центральных районов, низким культурным уровнем местных жителей, отсутствием подготовленных работников [РГИА ДВ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 37. Л. 1]. Тумнинский кооператив обеспечивал товары первой необходимости только своих членов. Другие охотники были вынуждены покупать товары по более высоким ценам в магазинах Госторга, однако оружие и боеприпасы там вообще не продавались.

В 1927 г. охотопромысловая и другие кооперативные системы у народов Севера стали заменяться кооперацией смешанного (интегрального) типа, задачи которой состояли в организации промысловой деятельности коренного населения, всестороннем укреплении и развитии традиционного хозяйства, снабжении членов кооператива продовольственными товарами и орудиями промыслов [5, с. 421].

Одновременно с преобразованием потребительской кооперации в интегральную Далькрайисполком издал постановление «О правилах

охоты и способах охоты в Д.В.К.». Документ разрешал коренному населению Дальнего Востока заниматься охотой без наличия охотничьего билета, а также применять самострелы, с условием ограждения их предупредительными знаками. Однако и аборигенам «запрещалось добывать зверей и птиц давящими или повреждающими приспособлениями, как например, петлями, силками, плашками, кулёмками и другими способами» [РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 121. Л. 59]. Этим же постановлением определялись сроки охоты на разных животных и птиц.

Интегральные охотопромысловые союзы обязывались следить за соблюдением способов и сроков охоты, должны были заниматься организацией промыслов коренного населения, снабжать членов кооператива продовольственными товарами, поставлять аборигенным жителям оружие и боеприпасы [5, с. 421]. Однако довольно часто они не выполняли свои обязанности. Например, в 1928 г. от Комитета Севера при СНК в Дальневосточный охотсоюз для коренных жителей Дальнего Востока поступило 520 нарезных винтовок пехотного образца и по 200 патронов к каждой. Это оружие предполагалось продавать по цене 17 руб. 80 коп. вместе с патронами только аборигенам при наличии членского билета и под подпись покупателя. Но руководители Дальохотсоюза 305 винтовок отдали на продажу в те отделения, где аборигенов не было. Комитет Севера, заметив нарушение, потребовал от Дальохотсоюза вернуть это оружие и направить его в селения Монгохто, Самарга, Кукан, Гармахты, Бомнак, Джелтулак и другие места, где проживали эвенки, орочи, удэгейцы, нанайцы, негидальцы, ульчи и нивхи [РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 4. Д. 121. Л. 36—42]. Аналогичные ситуации наблюдались и при распределении продуктов питания. Все эти и другие недостатки интегральных кооперативов отрицательно сказывались на кооперации коренного населения и его обеспечении разными товарами.

Вскоре после организации интегральной кооперации стало видно, что такие кооперативы, работавшие среди аборигенов Приамурья и Приморья, с задачами снабжения населения товарами и промысловым снаряжением явно не справлялись. Исходя из этого, Дальневосточный краевой комитет партии принял решение «привлечь к этой работе госторговые организации», которые получили право не только продавать свои товары, но и вести пушные заготовки. Таким образом, в конце 1927 г. в районах расселения аборигенов Нижнего Амура и Приморья стали функционировать кооперативные и государственные торговые предприятия, и между ними тут же началась сильная конкуренция.

Отличие кооперативной системы Дальохотсоюза от Дальгосторга заключалось в том, что кооперативы давали аборигенам ссуду сроком на год, а также продавали товары в долг под запись. В магазинах Дальгосторга в долг ничего не давалось, не было и кредита нуждающимся. Здесь товары и продовольствие отпускались только за наличный расчёт.

Однако заготовители Дальгосторга за сданную пушнину иногда платили больше, чем в кооперативах. Кроме этого, местные интегралсоюзы продавали аборигенам продовольствие и промысловые товары с наценкой от 22,8 до 25%, а в магазинах Дальгосторга она отсутствовала. При наличии в одном селе государственного и кооперативного магазинов коренные жители имели возможность покупать необходимые товары там, где им было выгоднее. Так, с открытием в с. Торгон магазина Дальгосторга нанайцы сразу же перестали пользоваться услугами кооперативных торговых точек из-за дороговизны товаров в них, что вызвало отрицательную реакцию со стороны работников Торгонского кооператива [РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 1. Д. 1182. Л. 327].

В других случаях аборигены в кооперативе брали товары в долг, а пушнину сдавали за деньги заготовителям Дальгосторга. По этой причине кооперативы несли большие убытки. Например, из-за невозврата кредитов, выданных нанайским охотникам, Сикачи-Алянское отделение Торгонского кооператива имело задолженность в сумме 1670 руб. [РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 1. Д. 1182. Л. 326 об.]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других местах.

Несколько иная картина складывалась там, где ещё не было государственных магазинов. Например, хотя Болонский туземный кооператив и реализовывал свои товары с наценкой в 25%, нанайцы стремились погасить свою задолженность при первой возможности, потому что хроническим должникам кооператив в следующий раз в кредит ничего не отпускал.

Новая система обслуживания охотничьего населения Нижнего Амура и Приморья подверглась резкой критике со стороны Дальневосточного Комитета Севера. В одном из своих документов он отмечал: «Во время пушных заготовок в туземных районах разыгрываются столкновения между государственными и кооперативными заготпунктами. Каждая организация стремится больше заготовить пушнины. Естественно, аборигены сдают пушнину тому, кому выгодней... таким образом, кооперативы остаются не с пушниной, а с долгами. Поэтому систему двух заготовителей в туземных районах надо решительно отбросить... Сохранение конкуренции между заготовителями в туземных районах означает ничто другое, как курс на разорение туземных кооперативов...» [ЦГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 554. Л. 126].

16 января 1929 г. Далькрайисполком специальным постановлением рекомендовал Крайторгу совместно с Комитетом Севера пересмотреть сеть всех пушных заготовителей в туземных районах края и не допускать в будущем работу двух заготовителей в одном районе. Однако Крайторг это постановление проигнорировал. Работники интегральных кооперативов, стараясь опередить госторговлю, в период заготовок пушнины стали объезжать все стойбища и собирать её на месте промыслов.

Однако эта мера не была эффективной, потому что аборигены предпочитали сдавать пушнину тем, кто давал за неё больше товаров.

Кроме магазинов Дальгосторга и интегральных кооперативов, в районах расселения аборигенов нелегально действовали и различного рода частные торговцы и скупщики пушнины, которые проникали в наиболее отдалённые уголки Приамурья. Они привозили свой товар прямо к месту охотничьего промысла и продавали его в 1,5, а то и в 2,5 раза дешевле, чем он стоил в кооперативных или государственных магазинах. А за шкурки пушных зверей частники платили значительно дороже. Например, в 1926 г. Дальгосторг за шкурку песца в среднем охотнику давал 35 руб., Далькрайсоюз — 50 руб., а скупщик пушнины, именуемый «спекулянт и контрабандистом», платил по 80 руб. и больше [ЦГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 554. Л. 15—16]. Аборигены, естественно, сдавали пушнину тем, чья цена была выше. Поэтому органы советской власти в лице сотрудников Дальохотсоюза и Дальгосторга вели ожесточённую борьбу против частного бизнеса [ЦГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 567. Л. 22].

Власти боролись не только с нелегальными торговцами, но и с частными лицами, не желающими работать в кооперативной системе. Указ Далькрайсоюза (директивное письмо № 3484 от 18 июня 1928 г.) запрещал свободно продавать оружие и промысловый инвентарь охотникам и рыболовам из числа нанайцев, ульчей и других коренных жителей. Их отпускали исключительно членам кооператива, а в аренду давали только тем частникам, которые заключали договоры на промысел рыбы или пушнины с рыболовецкими артелями Далькрайсоюза [ЦГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 419. Л. 134].

Аборигенов, занимавшихся частным промыслом, относили к категории браконьеров и вели против них борьбу. Партийные и советские органы совместно с работниками Далькрайсоюза главный удар нанесли по преуспевающим единоличникам, категорически не желавшим вступать в кооперативы и не воспринимавшим новшества со стороны советской власти: их в 1925—1932 гг. объявляли кулаками или шаманами, лишали избирательных прав или помещали в специальные лагеря на «перевоспитание», даже если они сословно относились к беднякам [РГИА ДВ. Ф. 2413. Оп. 3. Д. 71. Л. 1; Д. 72. Л. 1].

К концу 1920-х гг. всё коренное население Нижнего Амура и Приморья было охвачено сетью интегральной кооперации. У удэгейцев функционировали Самаргинский, Олонский и Хорский, у орочей — Тумнинский интегральные союзы, среди нанайцев в 1929—1930 гг. работали Горюно-Самагирский, Амуро-Тунгусский, Торгонский и Болонский интегральные союзы, которые в совокупности имели товаров на 1 024 023 руб. для коренного населения Приамурья [ЦГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 368. Л. 77]. У ульчей действовал Ульчский интегральный союз. В 1929—1930 гг. интегральной кооперацией в Ульчский район

было завезено товаров на 295 058 руб. [ЦГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 368. Л. 77 об.]. У нанайцев работал Болонский туземный интегралсоюз. Он, имея товаров на 290 815 руб., распространял свою деятельность от границ Хабаровского округа до амурских селений Кади и Диппы. При сохранении правления кооператива в с. Болонь ему поручалось иметь склады на р. Амур (в с. Малмыже), на р. Харпи (в с. Сиперун), а также на р. Хунгари (в с. Заозёрном) с круглогодичной работой [ЦГА РФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 368. Л. 77, 111].

Таким образом, на все интегралсоюзы возлагалась большая ответственность по дальнейшему кооперированию аборигенов Приамурья и Приморья, их обеспечению продовольственными и бытовыми товарами.

В начале 1930-х гг. интегральные союзы сумели привлечь большинство коренного населения в кооперативы, на основе которых затем создались простейшие производственные товарищества, а после — коллективные хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. О сроках охоты и о праве на охотничье оружие // СУ РСФСР. 1919. № 21. Ст. 256.
2. Об охоте // СУ РСФСР. 1920. № 66. Ст. 297.
3. Первый туземный съезд ДВО. Хабаровск, 1925. 138 с.
4. Положение об охоте // СУ РСФСР. 1923. № 17. Ст. 216.
5. Яковлева Е. Колхозное строительство у народов Приамурья // Дальний Восток за 40 лет советской власти. Комсомольск-на-Амуре, 1958. С. 421.
6. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
7. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).
8. ЦГА РФ (Центр. гос. арх. Российской Федерации).

REFERENCES

1. O srokakh okhoty i prave na okhotnich'e oruzhie [About the Timing of Hunting and the Right to Hunting Weapons]. *SU RSFSR* [Collection of legalizations of the RSFSR], 1919, no. 21, art. 256. (In Russ.)
2. Ob okhote [About Hunting]. *SU RSFSR* [Collection of legalizations of the RSFSR], 1920, no. 66, art. 297. (In Russ.)
3. *Pervyy Tuzemnyy s"yezd DVO* [The First Native Congress of the Far Eastern Federal District]. Khabarovsk, 1925, 138 p. (In Russ.)
4. Polozhenie ob ohote. *SU RSFSR* [Collection of Legalizations of the RSFSR], 1923, no. 17, art. 216. (In Russ.)
5. Yakovleva Y. Kolkhoznoye stroitel'stvo u narodov Priamur'ya [Collective Farm Construction of the Peoples of the Amur Region]. *Dal'niy Vostok za 40 let sovetskoy vlasti* [The Far East for 40 years of Soviet Power]. Komsomolsk-na-Amure, 1958, p. 421. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 26.03.2020